

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «КАДИРЖАНОВ И МАМАШЕВ против РОССИИ»

(Жалобы №№ 42351/13 и 47823/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

17 июля 2014 г.

Настоящее постановление вступит в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Кадиржанов и Мамашев против России»,
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая
Палатой, в состав которой вошли:

Изабелла Берро-Лефевр, Председатель,
Элизабет Штайнер,
Юлия Лаффранк,
Пауло Пинто де Альбукерке,
Линос-Александр Сицильянос,
Ксения Туркович,
Дмитрий Дедов, *судьи*,

а также Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,
проведя заседание 24 июня 2014 г. за закрытыми дверями,
выносит следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании двух жалоб (№№ №№ 42351/13 и 47823/13), поданных 2 и 24 июля 2013 года, соответственно, против Российской Федерации двумя гражданами Кыргызстана – Махаматилло Махматкаримовичем Кадиржановым и Бахтияром Толанбаевичем Мамашевым (далее - «заявители») в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция»).

2. Интересы заявителя в Суде представляли Ю.Рябинина, И. Бирюкова и Е. Давыдян – юристы, практикующие в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявители утверждали, что их экстрадиция в Республику Кыргызстан (Кыргызстан) подвергла бы их риску жестокого обращения, что они не располагали эффективными средствами правовой защиты в данном отношении, и что не был проведен эффективный и быстрый судебный пересмотр постановления о содержании их под стражей.

4. 2 июля и 26 июля 2013 г. года Председатель Первой Секции принял решение о применении правила 39 Регламента Суда, указав властям на запрет выдачи заявителей в Кыргызстан до получения соответствующего уведомления, а также принял решение о рассмотрении жалоб в приоритетном порядке в соответствии с правилом 41 Регламента Суда.

5. 10 сентября 2013 года данные жалобы были коммуницированы Властям.

ФАКТЫ

1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявители являются этническими узбеками. Они проживали в Джалал-Абадской области Кыргызстана. После массовых беспорядков и межэтнических столкновений, имевших место в этом районе в июне 2010 года, они уехали из Кыргызстана в Россию, спасаясь, как и многие другие этнические узбеки, от насилия на национальной почве.

А. Жалоба № 42351/13, Кадиржанов

7. Кадиржанов родился в 1970 году. В настоящее время проживает в г. Орел, Россия.

8. В июле 2010 года заявитель прибыл в город Орел. До июня 2012 года он не подавал прошения о признании его беженцем или о предоставлении временного убежища.

9. 3 октября 2011 года власти Кыргызстана обвинили заявителя *in absentia* в насильственных преступлениях, совершенных в ходе беспорядков на межэтнической почве в июне 2010 г., когда группа лиц забаррикадировала дорогу возле д. Сузак, что привело к многочисленным смертям.

10. 11 ноября 2011 г. Сузакский районный суд вынес постановление о заключении заявителя под стражу на два месяца. Кроме того, киргизские власти объявили заявителя в международный розыск.

11. 14 мая 2012 года заявитель был задержан в г. Орле и помещен в следственный изолятор № 1. По-видимому, в тот день он впервые узнал о том, что в Кыргызстане в отношении него возбуждено уголовное дело. Он отрицал свою причастность к событиям в июне 2010 года. В неуказанный день заявителю были предоставлены услуги адвоката, назначенного государством для ведения дела об экстрадиции.

12. 15 мая 2012 г. прокурор Северного района г. Орла вынес постановление о заключении заявителя под стражу на основании решения от 11 ноября 2011 г. в соответствии со статьей 61 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее - «Минская конвенция»).

13. Киргизские власти подтвердили, что они намерены добиваться выдачи заявителя.

14. 12 июня 2012 года Генеральная прокуратура Кыргызстана направила российской стороне официальный запрос о выдаче. Ею были предоставлены дипломатические гарантии того, что заявителю будут обеспечены все возможности осуществления защиты, предусмотренные международным уголовным правом и уголовным

правом Киргизии, включая правовую помощь, что он не будет подвергнут пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и наказанию, и что в отношении него не будет осуществляться преследование по политическим, расовым, национальным или религиозным мотивам.

15. 15 июня 2012 г. прокурор Северного района снова ходатайствовал о заключении заявителя под стражу на основании части 2 статьи 466 российского Уголовно-процессуального кодекса (далее - «УПК»).

16. В тот же день заявитель обратился в управление ФМС по г. Москве с заявлением о получении статуса беженца.

17. 10 июля 2012 года судом Северного района г. Орла было рассмотрено ходатайство прокурора Северного района о продлении срока содержания заявителя под стражей на четыре месяца. Отметив тот факт, что прокурор не обосновал необходимость такого длительного срока путем указания конкретных мер, подлежащих принятию в ходе процедуры «экстрадиционной проверки», а также отметив необходимость принятия во внимание ожидавшегося решения по заявлению о получении заявителем статуса беженца (которое могло содержать запрет на дальнейшее осуществление производства по выдаче заявителя), судья продлил срок содержания заявителя под стражей только на один месяц, до 14 августа 2012 г. 25 июля 2012 года Орловский областной суд оставил постановление о выдаче заявителя без изменения.

18. 25 июля 2012 года адвокат заявителя обратился в Генпрокуратуру РФ с заявлением, *inter alia*, о риске жестокого обращения в случае выдачи заявителя в Кыргызстан.

19. 9 августа 2012 года Министерством иностранных дел Российской Федерации было направлено письмо в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, в котором было указано, что у министерства не имеется никакой конкретной информации о наличии препятствий для выдачи заявителя. При этом министерство указало, что, поскольку по национальности заявитель является узбеком, «может существовать опасность умышленно предвзятого отношения при рассмотрении его дела киргизскими властями».

20. 9 августа 2012 года Северный районный суд продлил срок предварительного заключения заявителя до 14 ноября 2012 года. 31 августа 2012 года данное решение по кассационной жалобе заявителя было оставлено без изменений.

21. 31 октября 2012 года областное управление ФМС приняло решение об отказе в удовлетворении ходатайства заявителя о получении статуса беженца. В своем решении управление руководствовалось кратким уведомительным письмом ФМС от 13 июля 2012 года об общей политической обстановке и ситуации с

правами человека в Кыргызстане в 2010–2011 годах. Утверждение заявителя о том, что во время его проживания в Кыргызстане ему угрожали этнические киргизы, было отклонено, так как основанием угроз являлось его благосостояние, а не этническая принадлежность. Заявитель обжаловал это решение в ФМС. 25 декабря 2012 года в удовлетворении его жалобы было отказано. Риск жестокого обращения не был оценен.

22. Во время описываемых событий, 13 ноября 2012 г., Северный районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 14 февраля 2013 г., несмотря на запрос адвоката об освобождении заявителя под залог. Орловский областной суд оставил кассационную жалобу без удовлетворения 28 ноября 2012 года, возразив, *inter alia*, что не имелось причин для изменения меры пресечения в соответствии со статьей 110 УПК.

23. 11 февраля 2013 года Северный районный суд вынес постановление о продлении срока содержания под стражей заявителя до 14 мая 2013 года. В тот же день заявитель подал апелляцию в районный суд. В неуказанный день дело было передано на рассмотрение в Орловский областной суд.

24. 26 февраля 2013 года Орловский областной суд провел апелляционное слушание, и, придя к выводу о том, что не имеется причин для изменения меры пресечения в соответствии со статьей 110 УПК, оставил постановление о продлении срока содержания под стражей от 11 февраля 2013 года без изменений.

25. Тем временем, 20 февраля 2013 года Генеральная прокуратура Кыргызстана внесла изменения в свой запрос о выдаче со ссылкой на уточненное решение, в котором были перечислены предъявленные заявителю обвинения.

26. 18 марта 2013 года Генеральная прокуратура РФ удовлетворила запрос о выдаче. Постановление о выдаче не содержало оценки фактических и юридических вопросов в отношении риска жестокого обращения в запрашивающей стране, и не включало упоминания дипломатических гарантий, предоставленных киргизскими властями.

27. 2 апреля 2013 года заявитель подал жалобу в отношении постановления о выдаче, утверждая, *inter alia*, что Генеральная прокуратура РФ не оценила предполагаемый риск жестокого обращения.

28. 22 апреля 2013 года Басманный районный суд г. Москвы оставил решения миграционных органов от 31 октября 2012 года и 25 декабря 2012 года без изменения. Риск жестокого обращения не был оценен. 12 июля 2013 года Московский городской суд оставил указанное решение без изменения.

29. Между тем, 23 апреля 2013 года Орловский областной суд провел судебное заседание по пересмотру решения заместителя

Генерального прокурора Российской Федерации о выдаче и оставил его без изменений. В итоге указанный суд отклонил утверждения о риске жестокого обращения, ссылаясь на гарантии, предоставленные киргизскими властями, и на тот факт, что заявитель был обвинен в «обычных преступлениях» и, следовательно, не подвергался преследованию на политических или этнических основаниях. Заявитель подал кассационную жалобу в Верховный Суд Российской Федерации.

30. В мае 2013 года областной прокурор г. Орла подал ходатайство о продлении срока содержания заявителя под стражей. Данный вопрос был передан для рассмотрения в Орловский областной суд.

31. 13 мая 2013 года Орловский областной суд вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей на шесть месяцев, а именно, до 14 ноября 2013 года, доведя его до максимального установленного законом срока, составляющего восемнадцать месяцев. Указанный суд пришел к выводу о том, что не имелось причин для изменения меры пресечения в соответствии со статьями 110 УПК. Заявитель обжаловал данное решение.

32. 24 мая 2013 года судебная коллегия по уголовным делам Орловского областного суда провела судебное заседание, оставив постановление о заключении заявителя под стражу без изменения.

33. 4 июля 2013 года Верховный Суд России оставил определение Орловского областного суда от 23 апреля 2013 г. без изменений. В итоге указанный суд отклонил аргументы заявителя в отношении риска жестокого обращения. Суд указал, что киргизские власти предоставили гарантии оказания правовой помощи и неприменения жестокого обращения.

34. 20 сентября 2013 года адвокат заявителя Н. подал запрос об освобождении заявителя в областную прокуратуру.

35. 25 сентября 2013 года заместитель областного прокурора г. Орла вынес постановление об освобождении заявителя в соответствии, *inter alia*, со статьями 103 и 110 УПК. Он привел обоснования о том, что данное дело ожидало рассмотрения Судом, который распорядился о применении временных мер в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда в отношении заявителя, которые будут длиться дольше максимального срока разрешенного содержания под стражей. Заместитель прокурора изменил меру пресечения на освобождение из-под стражи, после предоставления Н. личных гарантий. Указанное распоряжение не было оспорено и заявитель был освобожден из-под стражи.

В. Жалоба № 47823/13, Мамашев

36. Мамашев родился в 1984 году. В настоящее время он проживает в д. Манюхино, Московская область, Россия.

37. Заявитель приехал в Москву в начале августа 2010 года. В 2010 и 2011 годах он не подавал заявлений о получении статуса беженца или о предоставлении ему временного убежища.

38. 24 августа 2010 года власти Кыргызстана обвинили заявителя *in absentia* в насильственных преступлениях, совершенных в июне 2010 г., когда группа лиц забаррикадировала дорогу возле д. Сузак, что привело к многочисленным смертям. Кроме того, киргизские власти объявили заявителя в международный розыск.

39. 25 августа 2010 г. Сузакский районный суд в Кыргызстане вынес постановление о применении меры пресечения в виде заключения под стражу сроком на два месяца.

40. 6 февраля 2012 года заявитель был задержан в г. Москве и помещен в следственный изолятор. По-видимому, в тот день он впервые узнал о том, что в Кыргызстане в отношении него возбуждено уголовное производство.

41. 7 февраля 2012 г. Бабушкинская межрайонная прокуратура вынесла постановление о применении к заявителю меры пресечения в виде заключения под стражу, которая была избрана Сузакским районным судом 25 августа 2010 г.

42. В неуказанный день заявителю были предоставлены услуги адвоката, назначенного государством для ведения дела о выдаче.

43. 16 марта 2012 года Генеральная прокуратура Кыргызстана представила российской стороне ходатайство о выдаче заявителя. Вышшеназванное ходатайство включало дипломатические гарантии того, что заявителю будут обеспечены все возможности осуществления защиты, предусмотренные международным уголовным правом и уголовным правом Киргизии, включая правовую помощь, что он не будет экстрадирован в третью страну и будет подвергнут суду только в отношении обвинений, приведших к ходатайству о выдаче, что он не будет подвергнут пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и наказанию, и что в отношении него не будет осуществляться преследование по политическим, расовым, национальным или религиозным мотивам.

44. В тот же день Бабушкинская межрайонная прокуратура снова вынесла постановление о применении к заявителю меры пресечения, разрешенную Сузакским районным судом, тем самым продлив срок его содержания под стражей.

45. 30 марта 2012 года Бабушкинский районный суд вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей до 5 июня 2012 года.

46. 12 апреля 2012 года заявитель обратился в московское отделение ФМС с ходатайством о предоставлении статуса беженца, заявляя о преследовании на основании этнического происхождения. 17 июля 2012 года управление приняло решение об отказе в удовлетворении ходатайства заявителя, сочтя его неприемлемым. Это решение было отменено ФМС. Ходатайство заявителя было рассмотрено в октябре 2012 года.

47. В то же время, 18 апреля 2012 года, Министерство иностранных дел Российской Федерации направило письмо в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, в котором было указано, что у министерства не имеется никакой конкретной информации о наличии препятствий для выдачи заявителя. При этом министерство указало, что, поскольку по национальности заявитель является этническим узбеком, «может существовать опасность умышленно предвзятого отношения при рассмотрении его дела киргизскими властями».

48. 23 апреля 2012 года адвокат заявителя обратился в Генеральную прокуратуру РФ с заявлением, *inter alia*, об опасности жестокого обращения в случае выдачи заявителя в Кыргызстан. 21 мая 2012 года Генеральная прокуратура РФ подтвердила получение указанного заявления, указав, что оно будет принято во внимание.

49. 28 мая 2012 года Бабушкинский районный суд вынес постановление о продлении срока предварительного заключения заявителя до 5 августа 2012 года. 9 июля 2012 года Московский городской суд оставил без удовлетворения кассационную жалобу на постановление Бабушкинского районного суда.

50. 8 июня 2012 года Останкинский районный суд г. Москвы оставил жалобы, поданные заявителем в соответствии со статьей 125 УПК, в отношении решений прокуратуры от 7 февраля и 16 марта 2012 года без удовлетворения. Московский городской суд оставил в силе решение от 1 августа 2012 г.

51. 2 августа 2012 года Бабушкинский районный суд вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей до 5 октября 2012 года. Московский городской суд кассационным определением от 10 сентября 2012 г. оставил в силе постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей.

52. 1 октября 2012 года Бабушкинский районный суд вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей до 5 декабря 2012 года. Адвокат заявителя подал жалобу 3 октября 2012 года, которая была зарегистрирована Бабушкинским районным судом 10 октября 2012 года. В неустановленный день она была направлена в Московский городской суд.

53. 11 октября 2012 года Московское отделение ФМС рассмотрело ходатайство о признании заявителя беженцем по существу, но отказало в его удовлетворении по причине отсутствия доказательств

утверждений заявителя о возможном преследовании на основании этнического происхождения. Риск жестокого обращения не был оценен. Заявитель обжаловал отказ от 11 октября 2012 года в ФМС. 26 декабря 2012 года его ходатайство было оставлено без удовлетворения. В неуказанный день заявитель ходатайствовал о судебном пересмотре решений об отказе, вынесенных миграционными органами.

54. 4 декабря 2012 года Бабушкинский районный суд вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей до 5 февраля 2013 года. Адвокат заявителя подал жалобу 6 декабря 2012 года, которая была зарегистрирована Бабушкинским районным судом 13 декабря 2012 года. В неустановленный день она была направлена в Московский городской суд.

55. 24 января 2013 года Генеральная прокуратура РФ потребовала от Генеральной прокуратуры Кыргызстана предоставления дополнительных гарантий, обеспечивающих возможность посещения заявителя сотрудниками дипломатической службы Российской Федерации во время его содержания под стражей в Кыргызстане. 6 февраля 2013 года Генеральная прокуратура Кыргызстана представила указанные гарантии.

56. 28 января 2013 г. Московский городской суд рассмотрел кассационную жалобу в отношении решений от 1 октября и 4 декабря 2012 года, но оставил их без удовлетворения.

57. 1 февраля 2013 года Московский городской суд вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей до 5 августа 2013 года. Жалоба заявителя на данное решение поступила 12 февраля 2013 года. Дата ее регистрации остается неизвестной.

58. 27 февраля 2013 года заместитель генерального прокурора РФ вынес постановление, которым удовлетворил запрос о выдаче. В постановлении о выдаче не содержалось никаких комментариев по поводу утверждений об опасности жестокого обращения в Кыргызстане. 12 марта 2013 года заявитель был уведомлен об указанном решении и подал апелляцию.

59. 14 марта 2013 года Апелляционная секция Московского городского суда оставила апелляцию жалобу в отношении постановления от 1 февраля 2013 г. без удовлетворения.

60. Решением от 10 апреля 2013 года Басманный районный суд г. Москвы оставил решения миграционных органов в отношении отказа о предоставлении статуса беженца, без изменения. Предполагаемый риск жестокого обращения не был упомянут.

61. 15 апреля 2013 года Московский городской суд вынес определение о признании решения заместителя Генерального прокурора о выдаче законным и обоснованным в порядке надзорного производства. В итоге указанный суд отклонил утверждения о риске

жестокое обращение, указав, что заявитель обвинялся в совершении «обычных преступлений» и, следовательно, не подлежал преследованию на политических и этнических основаниях, а также сославшись на дипломатические гарантии, предоставленные киргизскими властями.

62. 19 июня 2013 года Верховный Суд России оставил постановление по апелляции от 15 апреля 2013 г. без изменений, тем самым оставив постановление о выдаче без изменений.

63. 8 июля 2013 года Московский городской суд вынес определение об оставлении решения Басманного районного суда от 10 апреля 2013 года без изменений. Он установил, что суд первой инстанции достаточным образом проанализировал положение заявителя.

64. 31 июля 2013 года Бабушкинский межрайонный прокурор г. Москвы вынес постановление об освобождении заявителя, так как в отношении заявителя было вынесено решение о применении временных мер в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда. Заявитель был освобожден 1 августа 2013 года под личное поручительство его адвоката.

II. ПРИМЕНИМОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

А. Заявления об изменении мер пресечения

65. Статьей 110 УПК РФ предусматривается, что мера пресечения (например, заключение под стражу) может быть (i) отменена, если в ней отпадает необходимость, либо (ii) изменена на более строгую или более мягкую, если изменяются основания для избрания такой меры пресечения, предусмотренные статьями 97 и 99 УПК РФ.

66. В статье 97 УПК перечисляются основания для избрания меры пресечения по внутригосударственным уголовным делам: это достаточные основания полагать, что обвиняемый, подозреваемый в совершении преступления (i) скроется от следствия или суда, (ii) продолжит заниматься преступной деятельностью или (iii) будет угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожит или фальсифицирует доказательства либо иным путем воспрепятствует производству по уголовному делу. Статьей 97 УПК РФ также предусматривается, что мера пресечения может избираться и в делах о выдаче.

67. В статье 99 УПК РФ приводится примерный перечень обстоятельств, которые следует учитывать при избрании меры пресечения, например, тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого, его возраст, состояние здоровья и род занятий.

68. В статье 119 УПК перечисляются стороны, имеющие право на заявление ходатайства в ходе судебных разбирательств по уголовному делу, такие как подозреваемые, ответчики, адвокаты, потерпевшие, прокуроры, эксперты, гражданские истцы и другие лица, интересы которых могут быть затронуты на досудебном или судебном этапах. Такие заявления могут быть поданы дознавателю, следователю или судье.

69. Статья 120 УПК предусматривает, что указанные ходатайства могут быть заявлены на любом этапе судебных разбирательств по уголовному делу.

В. Другие соответствующие правовые вопросы

70. Краткое изложение соответствующего международного и внутригосударственного законодательства и практики см. в деле «Абдулхаков против России» (*Abdulkhakov v. Russia*), жалоба № 14743/11, пункты 71-98, 2 октября 2012 г.).

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О КЫРГЫЗСТАНЕ

71. Соответствующая информация и ряд соответствующих документов приведены в постановлении Европейского Суда от 16 октября 2012 года по делу «Махмуджан Эргашев против России» (*Makhmudzhan Ergashev v. Russia*), жалоба № 49747/11, пункты 30–46.

72. Комитет ООН по устранению расовой дискриминации рассмотрел периодические доклады №№ 5-7 Кыргызстана и в феврале 2013 года принял следующие заключительные замечания (CERD/C/KGZ/CO/5-7):

«6. Комитет с озабоченностью отмечает, что согласно докладу государства-участника (CERD/C/KGZ/5-7, пункт 12) и другим докладам, узбеки не только больше всего пострадали от событий июня 2010 года, но и стали основным объектом судебных преследований и осуждения. Отмечая, что государство-участник само признало данное положение и рассматривает способы его исправления, Комитет, тем не менее, сохраняет глубокую обеспокоенность по поводу сообщений о предвзятом отношении по признаку этнического происхождения в ходе следственных действий, судебных разбирательств, осуждения и наказания лиц, привлеченных к ответственности и признанных виновными в связи с июньскими событиями 2010 года, большинство которых составляли лица узбекского происхождения. Комитет также выражает обеспокоенность по поводу представленной в докладе государства-участника информации, касающейся «свидетельств принуждения к признанию совершения преступлений, которые данные лица не совершали, давления на родственников со стороны представителей правоохранительных органов, отказа в процессуальных правах (...), нарушений порядка в судебном заседании, угроз и оскорблений в адрес подсудимых и их защитников, попыток нанести побои

подсудимым и их родственникам», что, по мнению государства-участника, привело к нарушению права на справедливое судебное разбирательство ...

Комитет рекомендует государству-участнику в связи с реформированием им своей судебной системы:

инициировать создание или создать механизм для рассмотрения всех дел в отношении лиц, осужденных в связи с событиями в июне 2010 года, на предмет соблюдения всех необходимых гарантий справедливого судебного разбирательства;

осуществить расследование, судебное преследование и в надлежащих случаях вынести обвинительные приговоры в отношении всех лиц, ответственных за нарушение прав человека во время событий в июне 2010 года, независимо от их этнического происхождения или их статуса; ...

7. Принимая во внимание информацию, представленную государством-участником, Комитет, тем не менее, сохраняет обеспокоенность по поводу сообщений о том, что после событий в июне 2010 года множество лиц, в основном из числа групп меньшинств и в особенности узбеки, подвергались задержаниям и пыткам, а также другим видам жестокого обращения на основании их этнического происхождения. Комитет также выражает обеспокоенность в связи с информацией о том, что во время и после событий в июне 2010 года женщины из числа групп меньшинств становились жертвами актов насилия, в том числе изнасилований. Особую озабоченность Комитета вызывает то, что все эти акты до сих пор не расследованы, а причастные к этому лица не привлечены к ответственности и не наказаны (статьи 5 и 6). 5 и 6).

В соответствии со своей общей рекомендацией № 31 (2005 год), Комитет рекомендует государству-участнику, не проводя каких-либо различий по признаку этнического происхождения жертв, принять надлежащие меры в целях:

(а) регистрации и документирования всех случаев пыток, жестокого обращения и насилия в отношении женщин из числа групп меньшинств, в том числе изнасилований;

(b) проведения быстрых, тщательных и беспристрастных расследований;

(с) привлечения к ответственности и наказания виновных, включая сотрудников полиции и сил безопасности; ...»

73. Комитет ООН против пыток рассмотрел второй периодический доклад Кыргызстана и в декабре 2013 г. представил итоговые замечания ((CAT/C/KGZ/CO/2), которые в соответствующей части гласят следующее:

«Безнаказанность и отсутствие расследования широко распространенных пыток и жестокого обращения

5. Комитет крайне озабочен длящейся и широко распространенной практикой пыток и жестокого обращения с лицами, лишенными свободы, в частности, во время их содержания под стражей в полиции с целью получения признаний. Это подтверждает выводы Специального докладчика о пытках и другом жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращении или наказании (A/HRC/19/61/Add.2, пункты 37 и далее), и Верховного комиссара ООН по правам человека (A/HRC/20/12, пункты 40-41). В то время как киргизская

делегация признала, что в стране существует практика пыток и подтвердила обязательства по борьбе с ними, Комитет все еще сильно озабочен существенным пробелом между законодательной базой и ее практическим применением, о чем частично свидетельствует отсутствие за отчетный период дел, в которых государственные должностные лица были подвергнуты преследованию, обвинены и приговорены к заключению в связи с применением пыток (статьи 2, 4, 12 и 16).

6. Комитет крайне озабочен тем, что государство-участник не проводит быстрые, беспристрастные и полные расследования множества случаев пыток и жестокого обращения и не привлекает к ответственности предположительно виновных лиц, что приводит к тому, что в большинстве случаев потерпевшие не сообщают о пытках и жестоком обращении, а также к безнаказанности предположительно несущих ответственность государственных должностных лиц (статьи 11, 12, 13 и 16).

В частности, Комитет обеспокоен следующим:

(a) Отсутствие независимого и эффективного механизма получения жалоб и проведения беспристрастного и полного расследования заявлений о пытках. По-видимому, серьезные конфликты интересов препятствуют работе существующих механизмов эффективного и беспристрастного расследования полученных жалоб;

(b) Препятствия на этапе предварительного расследования, особенно касательно судебных медицинских экспертиз, которые во многих случаях не проводятся сразу после жалоб о превышении полномочий, проводятся медицинскими работниками, которые не являются независимыми, и/или проводятся в присутствии других государственных должностных лиц, что приводит к тому, что медицинский персонал не в состоянии соответствующим образом документировать травмы заключенных, и, следовательно, к невозможности возбуждения следователями официальных расследований в отношении жалоб на пытки, по причине отсутствия доказательств;

(c) Практика оценки следователями показаний лиц, причастных к пыткам, в сравнении с показаниями истцов, и итоговое отклонение жалоб; и

(d) Отсутствие эффективного расследования судебными органами жалоб на пытки, поданных ответчиками по уголовным делам и их адвокатами в суде. Различные источники сообщают, что судьи обычно игнорируют информацию о применении пыток, включая отчеты независимых медицинских экспертиз.

...

7. Комитет остается озабоченным реакцией государства-участника на утверждения о пытках в отдельных делах, поданных в Комитет, и в частности, отказом органов государства-участника от проведения полных расследований множества случаев пыток на основании того, что предварительное дознание не выявило оснований для возбуждения полного расследования. Комитет также озабочен в отношении дела Азимджана Аскаророва (Azimjan Askarov), защитника прав этнических узбеков, подвергнутого преследованию в связи с уголовными обвинениями в связи с гибелью сотрудника полиции в южном Кыргызстане в июне 2010 г., вопрос о котором был поднят несколькими Специальными докладчиками, включая Специального докладчика о ситуации с защитниками прав человека (A/HRC/22/47/Add.4, параграф 248; A/HRC/19/55/Add.2, пункт 212). Аскароров утверждал, что неоднократно жестоко избивался сотрудниками полиции сразу после заключения под стражу и в течение

судебных разбирательств по уголовному делу против него, и что в его отношении были допущены неоднократные нарушения процессуальных мер защиты, таких как немедленный доступ к адвокату и к эффективному, независимому медицинскому осмотру. Комитет отмечает, что, по-видимому, независимые судебные медицинские экспертизы подтвердили утверждения Аскаророва о пытках в полиции, и засвидетельствовали полученные в результате этого травмы, включая хроническую потерю зрения, травматическое повреждение мозга и повреждение позвоночника. В соответствии с информацией, доступной Комитету, жалобы Аскаророва на пытки неоднократно подавались в прокуратуру, а также Уполномоченному по правам человека в Кыргызстане, в Базар-Коргонский районный суд, Апелляционный суд и Верховный суд. Тем не менее, по состоянию на настоящее время, органы государства-участника отказали в полном расследовании его исков, на основании заявлений Аскаророва, предположительно полученных путем принуждения со стороны полиции, о том, что он не имеет жалоб. Комитет понимает, что государство-ответчик в настоящее время рассматривает возможность дальнейшего расследования указанных исков. Комитет озабочен отказом государства-ответчика от принятия обязательств по полному расследованию жалоб на пытки по другим делам, выявленным в ходе проверки, включая дела Наргизы Турдиевой (Nargiza Turdieva) и Дилмурата Хайдарова (Dilmurat Khaidarov) (статьи 2, 12, 13 и 16).

...

8. Комитет остается озабоченным отсутствием полного и эффективного расследования неоднократных указаний на то, что сотрудники правоохранительных органов применяют пытки и жестокое обращение, произвольное заключение под стражу и допускают чрезмерное применение силы в ходе межэтнического конфликта в южном Кыргызстане в июне 2010 г. и после него. Комитет обеспокоен докладами о том, что расследования, привлечения к ответственности, осуждения и санкции, примененные в отношении событий июня 2010 г., были главным образом направлены на лиц узбекского происхождения, что отмечено различными источниками, включая Комитет по устранению расовой дискриминации, в 2013 г. (CERD/C/KGZ/CO/5-7, пункты 6-7). Комитет также сожалеет об отсутствии информации, предоставленной государством-участником о результате рассмотрения 995 уголовных дел в отношении конфликта в июне 2010 г. (статьи 4, 12, 13 и 16).

...

Принуждение к даче признательных показаний

13. Комитет сильно обеспокоен многочисленными, систематическими и достоверными докладами о широком распространении использования вынужденных признаний в качестве доказательств в судах. Отмечая, что использование доказательств, полученных незаконными способами, запрещено законом, Комитет обеспокоен тем, что на практике судебные органы опираются на такие признания. Комитет также обеспокоен докладами о том, что судьи часто отказываются от действий в отношении заявлений ответчиков по уголовным делам, сделанных в суде, или отказываются от приобщения к доказательствам независимых медицинских отчетов, которые подтверждают заявления ответчиков о пытках с целью получения признания. Комитет сожалеет об отсутствии информации, предоставленной государством-участником по делам, в которых судьи или прокуроры инициировали расследования заявлений о пытках, поданных ответчиками по уголовными

делам в суде, и обеспокоен тем, что ни одного должностного лица не было привлечено к ответственности и наказано за применение пыток ни в одном деле, о котором известно Комитету и в котором доказательства, полученные с помощью пыток, были исключены из доказательств судом - как в деле Фарруха Гапиурова (Farrukh Gapiurov), обвиненного Ошским муниципальным судом в участии в конфликте в июне 2010 г. (статьи 2 и 15)».

74. Глава Ежегодного отчета «Международной амнистии» по Кыргызстану за 2013 год в соответствующей части гласит следующее:

«Пытки и другое жестокое обращение остаются распространенными по всей стране, и правоохранительные и судебные органы не принимают мер по таким жалобам. Власти не проводят беспристрастного и эффективного расследования конфликта, имевшего место в июне 2010 г. и его последствий, и не обеспечивают правосудие для тысяч потерпевших в результате тяжких преступлений и нарушений прав человека, включая преступления против человечности. Этнические узбеки продолжают подвергаться несоразмерному заключению под стражу и привлечению к ответственности в связи с конфликтом в июне 2010 г.

...

Ошский городской прокурор в апреле указал, что из 105 дел, которые были переданы в суд в связи с конфликтом в июне 2010 г., только по двум делам был вынесен оправдательный приговор. Только одно из указанных дел было возбуждено в отношении этнического узбека, Фарруха Гапирова, сына правозащитника Равшана Гапирова. Он был освобожден после того, как апелляционный суд признал, что его обвинение было основано на признании, полученном под пытками. Тем не менее, не было инициировано расследования в отношении сотрудников полиции, ответственных за применение пыток.

Напротив, первое и по состоянию на текущий момент единственное известное обвинение этнического киргиза в убийстве этнических узбеков в ходе конфликта в июне 2010 г. было отменено».

75. Всемирный доклад «Хьюман Райтс Вотч» за 2013 г. по Кыргызстану содержит следующие выводы в отношении ситуации в Кыргызстане в 2012 г.:

«Кыргызстан не отреагировал соответствующим образом на насилие на юге, направленное, в частности, против этнических узбеков, подрывающее долгосрочные попытки стабилизации и урегулирования последующих межэтнических столкновений в июне 2010 г., в результате которых было убито более 400 человек. Несмотря на то, что в южном Кыргызстане наступило тревожное затишье, этнические узбеки все еще подвергаются произвольному задержанию, пыткам и вымогательствам, без какого-либо возмещения.

...

Местные правозащитные неправительственные организации сообщали, что общее количество учтенных случаев произвольного заключения под стражу и жестокого обращения при содержании под стражей в полиции продолжало снижаться в 2012 г. на юге, хотя все еще регистрируются новые случаи. Группы также сообщали о растущей проблеме вымогательства денежных средств правоохранительными органами, в особенности, у этнических узбеков, под угрозой привлечения к уголовной ответственности в связи с событиями в июне

2010 г. Жертвы вымогательства редко сообщают об этом по причине страха расправы.

Расследования по событиям в июне 2010 г. остановились. Судебные разбирательства, главным образом, в отношении этнических узбеков в связи с указанным конфликтом, продолжались в нарушение международных стандартов справедливого суда, включая судебные разбирательства по делу Махамата Бизурукова (Mahamad Bizurukov) и Шамшидина Шиязалиева (Shamshidin Niyazaliev), которые в октябре 2012 года были приговорены к пожизненному заключению.

Адвокаты в южном Кыргызстане продолжали подвергаться унижениям в 2012 г. за защиту этнических узбеков, обвиненных в участии в конфликте в июне 2010 г., что способствовало укреплению враждебной и насильственной среды, подрывающей права ответчиков на справедливый суд. 20 января группа лиц в г. Джалалабаде с оскорблениями напала на адвоката, защищавшего этнического узбека, владельца телевизионной станции, вещающей на узбекском языке. Никто не понес ответственность за насилие в отношении адвокатов.

...

В слушаниях, связанных в конфликтом в июне 2010 г., судьи продолжают отклонять, игнорировать заявления о пытках или не распоряжаются о проведении расследования. В исключительном случае четверо сотрудников полиции были обвинены в пытках после того, как в августе 2011 скончался Усмонжон Холмирзаев (Usmonzhon Kholmiraev), этнический узбек, не выдержавший внутренних травм после избияния сотрудниками полиции находясь в заключении. Неоднократные задержки в судебных разбирательствах привели к тому, что год спустя судебное разбирательство все еще не завершено. В июне, после того как Абдугафур Абдурахманов (Abdugafur Abdurakhmanov), этнический узбек, отбывающий пожизненное заключение в связи с конфликтом в июне 2010 г., скончался в тюрьме, власти не провели расследование, утверждая, что он покончил жизнь самоубийством».

76. В своем отчете «Кыргызстан: 3 года после насилия. Пародия на правосудие», представленном в июне 2013 г., «Хьюман Райтс Вотч» отметила, среди прочего, следующее:

«Расследования по уголовным делам в отношении насилия в июне 2010 г. были нарушены широко распространенными произвольными арестами и жестоким обращением, включающим пытки. Беспрепятственная жестокость в залах суда и другие нарушения прав ответчиков препятствовали осмысленной защите обвиняемых. «Хьюман Райтс Вотч» привела документальные свидетельства о том, что расследования были несоразмерно и несправедливо направлены на этнических узбеков, и что эта группа подвергалась высокому риску применения пыток при содержании под стражей.

...

Этнические столкновения возникли в южном Кыргызстане 10 июня 2010 г. В результате конфликта, продолжавшегося четыре дня, было убито более 400 человек и уничтожено около 2 000 домов. Ужасные преступления совершались как в отношении этнических киргизов, так и в отношении этнических узбеков. Тем не менее, хотя в большинстве случаев пострадали этнические узбеки и были разрушены главным образом их дома, в большинстве случаев уголовному преследованию подвергались этнические узбеки.

...

Исследование, проведенное «Хьюман Райтс Вотч» в 2010-2013 гг. в южном Кыргызстане, показало, что органы прокуратуры неоднократно отказывали в расследовании серьезных и достоверных утверждений о пытках. Суды в значительной мере опирались на признания, полученные под пытками, для приговора ответчиков к продолжительному тюремному заключению.

77. В главе Всемирного доклада «Хьюман Райтс Вотч» по Кыргызстану за 2014 год в соответствующей части говорится следующее:

«Дефекты правоохранительных и судебных органов способствуют серьезным злоупотреблениям полномочиями в связи с этническим насилием в южном Кыргызстане в июне 2010 г. Этнические узбеки и другие национальные меньшинства остаются особенно уязвимыми. Нападения в зале суда на адвокатов и ответчиков, особенно в случаях, связанных с событиями июня 2010 г., остаются безнаказанными.

В 2013 году государственные должностные лица и представители гражданского общества сформировали национальный центр по предотвращению пыток. На практике, жестокое обращение и пытки остаются распространенными в местах лишения свободы и безнаказанность применения пыток является нормой.

...

По истечении трех лет правосудие в отношении преступлений, совершенных в ходе этнического насилия в южном Кыргызстане в июне 2010 г., остается иллюзорным. Искаженный процесс отправления правосудия привел к тому, что большинство этнических узбеков были приговорены к продолжительному тюремному заключению, после осуждений, омраченных признаниями, полученными под пытками, и другими процессуальными нарушениями. Власти не пересмотрели приговоры в случаях, когда ответчики заявляли о пытках или других явных нарушениях стандартов справедливого суда. Как минимум, девять этнических узбеков все еще содержатся в учреждениях предварительного заключения, некоторые уже третий год. Новые обвинения в августе 2013 г. в отношении трех этнических узбеков в г. Ош, и еще шестеро узбеков в России, ожидающие постановлений о выдаче, вновь указывают на судебную предвзятость к этническим узбекам.

Власти не смогли решить острую проблему насилия в зале суда, совершаемого присутствующими на судебных заседаниях по всему Кыргызстану, в том числе, на судебном заседании в июне по делу трех членов оппозиции в парламенте, что способствует созданию обстановки, ущемляющей права ответчиков на справедливый суд. Адвокаты подвергались унижениям или избиениям в суде в 2013 г., включая указанные действия в ходе защиты этнических узбеков в делах, связанных с событиями июня 2010 г. Махамад Бизуруков, ответчик-этнический узбек, и его адвокаты неоднократно подвергались угрозам, унижениям и физическим нападениям в течение двух лет, последний раз – в сентябре 2013 г., при этом виновные не понесли ответственности.

...

Несмотря на принятие государственного механизма предотвращения пыток в 2012 г. и организацию соответствующего Национального центра предотвращения пыток в 2013 г., власти часто отказывают в расследовании

жалоб на пытки и виновные остаются безнаказанными. В редких случаях, когда выдвигаются обвинения против полиции, следствие и судебные разбирательства ненадлежащим образом затягиваются.

Ярким примером является уголовное дело против четверых сотрудников полиции, возбужденное после смерти этнического узбека в августе 2011 г., содержавшегося под стражей в связи с обвинениями в отношении этнического насилия в июне 2010 г. Усмонджон Холмирзаев (Usmonjon Kholmiraev) скончался через несколько дней после освобождения без предъявления обвинения, как предполагается, в результате травм от побоев во время содержания под стражей. В течение последних двух лет данное уголовное расследование неоднократно задерживалось и до сих пор никто не привлечен к ответственности за его смерть.

В июле 2013 г. Нуркамил Исмаилов был найден мертвым в следственном изоляторе в южном Кыргызстане, после того, как полиция заключила его под стражу за мелкое хулиганство. Власти утверждают, что он совершил самоубийство, повесившись на своей футболке. Вмешательство правозащитной группы из г. Джалалабада «Справедливость» привело к возбуждению уголовного дела о халатности. В сентябре родственник Исмаилова и полиция заключили внесудебное мировое соглашение, за уплату неразглашенной суммы ответственность была снята».

ПРАВО

I. ОБЪЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ

78. В соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда, Европейский Суд принимает решение объединить жалобы с учетом схожести обстоятельств дел и правовой основы.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЕЙ 3 и 13 КОНВЕНЦИИ

79. Заявители жалуются, что, так как они являются этническими узбеками, в случае экстрадиции в Кыргызстан они подвергнутся фактическому риску жестокого обращения. Они указали, что относятся к определенной группе, а именно, к этническим узбекам, подозреваемым в насилии, совершенном в июне 2010 г., и подвергаемым киргизскими властями систематическим пыткам. Они также жаловались на то, что его аргументы об угрозе быть подвергнутым жестокому обращению в случае экстрадиции в запрашивающую страну не были тщательно рассмотрены российскими властями. Они ссылались на Статьи 3 и 13 Конвенции, которые предусматривают следующее:

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Доводы сторон

1. *Власти Российской Федерации*

80. Власти оспорили доводы заявителей. Они указали, что общая ситуация с правами человека в Кыргызстане улучшилась в 2013-2014 г.г. в сравнении с описанной в деле *Махмуджана Эргашева* (упомянуто выше). Определенные позитивные изменения в запрашивающей стране были отмечены Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Отчетам неправительственных организаций (НПО) следует уделять меньше внимания, чем отчетам «официальных источников», и они должны рассматриваться с крайней осторожностью.

81. Власти также указали, что, тогда как определенные ограничения в отношении этнических узбеков имели место в запрашивающей стране, «грубого нарушения справедливости» в отношении узбекского меньшинства в Кыргызстане не отмечалось. Дипломатические гарантии, предоставленные киргизскими властями в соответствующих делах заявителей, исключали возможность жестокого обращения с ними в случае экстрадиции. Суд еще не позволил продемонстрировать эффективность механизма дипломатического надзора российских властей по защите прав экстрадированных в Кыргызстан, так как распорядился о применении временных мер, препятствующих таким экстрадициям.

82. Также Власти указали, что заявители не доказали наличия какого-либо отдельного риска жестокого обращения в Кыргызстане. Ни один из них не обратился за предоставлением статуса беженца до задержания в России. Также ни заявители, ни их близкие родственники, проживающие в Кыргызстане, никогда не подвергались преследованию в Кыргызстане. Отказы российских миграционных органов в предоставлении заявителям статусов беженца являлись обоснованными и надлежащим образом мотивированными.

83. Заявители располагали эффективными внутригосударственными средствами правовой защиты, так как имели возможность представить свои опасения по поводу предполагаемого

жестокое обращения в Генеральную прокуратуру России и внутригосударственные суды на двух уровнях юрисдикции.

84. С учетом вышесказанного, Власти считали, что жалобы заявителей в соответствии со статьями 3 и 13 Конвенции подлежат отклонению как явно необоснованные.

2. Заявители

85. Заявители продолжали настаивать на своих жалобах. Ссылаясь на последний материал Комитета ООН по борьбе с пытками и организации «Хьюман Райтс Вотч», заявители настаивали на том, что общая ситуация с правами человека в Кыргызстане не улучшилась с момента вынесения постановления по делу *Махмуджана Эргашева*, и что практика применения пыток киргизскими властями оставалась широко распространенной.

86. Они также утверждали, что российские власти не рассмотрели тщательным образом вопрос о возможном жестоком обращении в запрашивающей стране в контексте соответствующих внутригосударственных судебных разбирательств в отношении экстрадиции и заявлений о предоставлении статуса беженца. Дипломатические гарантии, на которые ссылались органы на национальном уровне и в Суде, не предусматривали достаточных гарантий в отношении риска жестокого обращения, учитывая тот факт, что пытки были широко распространены и их случаи не регистрировались в Кыргызстане, а также учитывая отсутствие механизма независимого мониторинга, удовлетворяющего критерию, установленному в деле «Отман (Абу Катада) против Соединенного Королевства» (*Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom*), жалоба № 8139/09, пункт 189, ЕСПЧ 2012).

87. Наконец, заявители подали жалобы в соответствии со статьями 3 и 13 Конвенции.

В. Оценка Суда

1. Статья 3 Конвенции

(а) Приемлемость

88. Суд отмечает, что данные жалобы не являются явно необоснованными по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям. Следовательно, они должны быть признаны приемлемыми.

(b) Существо жалоб*(i) Общие принципы*

89. Суд рассмотрит по существу эту часть жалоб заявителей в соответствии со статьей 3 в свете применимых общих принципов, которые изложены, среди прочего, в деле «Умиров против России» (*Umirov v. Russia*), жалоба № 17455/11, пункты 92-100, 18 сентября 2012 года, с дальнейшими ссылками).

(ii) Применение общих принципов к данному делу

90. Суд отмечает, что российские органы постановление о выдаче обоих заявителей в Кыргызстан. Но постановление о выдаче не были исполнены в результате указания Судом временной меры в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда. Поэтому Суд оценит, подвергнутся ли заявители риску обращения, противоречащего статье 3, в случае их выдачи в Кыргызстан - по состоянию на дату рассмотрения дела Судом - принимая во внимание оценку внутригосударственными судами (см., *mutatis mutandis*, «Бакоев против России» (*Bakoyev v. Russia*), жалоба № 30225/11, пункт 113, 5 февраля 2013 г.).

91. Обращаясь к общей ситуации с правами человека в запрашивающей стране, Суд отмечает следующее. В предыдущем деле об экстрадиции в Кыргызстан Суд усмотрел, что в 2012 г. ситуация на юге страны характеризовалась применением пыток и других видов жестокого обращения по отношению к этническим узбекам со стороны правоохранительных органов. Пытки участились после июньских событий 2010 года и остаются широко распространенными и бесконтрольными, причем ситуация отягощается безнаказанностью правоохранительных органов. Более того, Суд установил, что данный вопрос следует рассматривать в контексте нарастания этнического национализма в политике Кыргызстана, особенно на юге, растущего межэтнического напряжения между киргизами и узбеками, продолжающейся дискриминации в отношении узбеков на государственном уровне и низком проценте участия узбеков, в числе прочего, также и в правоохранительных и судебных органах (см. дело *Махмуджана Эргашева*, упомянутое выше, пункт 72). Из докладов органов ООН и авторитетных НПО следует, что в 2012-2013 г.г. ситуация на юге Кыргызстана не улучшилась. В частности, различные доклады постоянно совпадают в описании этнической направленности при расследованиях, уголовном преследовании, осуждении и санкциях в отношении этнических узбеков, обвиненных и приговоренных в отношении событий в Джалал-Абадской области, а также в указании отсутствия полного и эффективного расследования многочисленных заявлений о пытках и жестоком обращении со стороны киргизских

правоохранительных органов, произвольное задержание и чрезмерное применение силы к узбекам, предположительно принимавшим участие в событиях июня 2010 г. (см. пункты 72-77 выше). Соответственно, Суд заключает, что текущая общая ситуация с правами человека в Кыргызстане остается в высокой степени проблемной (см., *mutatis mutandis*, «Кляйн против России» (*Klein v. Russia*), жалоба № 24268/08, пункт 51, 1 апреля 2010 г.).

92. Суд рассмотрит, имелись ли индивидуальные обстоятельства, обуславливающие страх заявителей в отношении жестокого обращения (см. «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*) [БП], жалобы №№ 46827/99 и 46951/99, пункт 73, ЕСПЧ 2005-I). В связи с этим Суд повторяет, что когда заявитель утверждает, что он или она является членом группы, которая систематически подвергается жестокому обращению, Суд считает, что защита статьи 3 Конвенции начинает действовать, когда заявитель устанавливает, в случае необходимости на основе сведений, содержащихся в соответствующих докладах международных правозащитных или неправительственных организаций, что есть серьезные основания верить в существование такой практики, и свою принадлежность к указанной группе. В указанных обстоятельствах Суд не будет настаивать, чтобы заявитель продемонстрировал наличие дополнительных конкретных отличительных обстоятельств (см. дело «Саади против Италии» (*Saadi v. Italy*) [БП], жалоба № 37201/06, пункт 132, ЕСПЧ 2008, и «Н.А. против Соединенного Королевства» (*NA. v. the United Kingdom*), жалоба № 25904/07, пункт 116, постановление от 17 июля 2008 года). Суд считает, что данное обоснование особенно присуще настоящему делу, в котором заявители, этнические узбеки, обвиняются в нескольких тяжких преступлениях, предположительно совершенных в ходе применения насилия в июне 2010 г. (см., для сравнения, дело *Махмуджана Эргашева*, упомянутое выше, пункт 73). Учитывая широкое применение киргизскими властями пыток и жестокого обращения с целью получения признаний от этнических узбеков, обвиненных в участии в межэтнических конфликтах в Джалал-Абадской области, о котором сообщали оба органа ООН (см. параграфы 72-73 выше), а также авторитетные НПО (см. параграфы 74-77 выше), Суд удовлетворен тем, что заявители относятся к особенно уязвимой группе, члены которой обычно подвергаются отношению, запрещенному статьей 3 Конвенции в запрашивающей стране.

93. Суд также отмечает, что вышеупомянутые обстоятельства были представлены вниманию российских властей обоими заявителями в ходе соответствующих судебных разбирательств (см. пункты 21 и 46). Так как реакция внутригосударственных органов власти на утверждения о риске жестокого обращения в их индивидуальных

делах была практически идентичной, Суд считает целесообразным анализировать их совместно.

94. Суд отмечает, что заявления заявителей о предоставлении статуса беженца были оставлены без удовлетворения миграционными органами, которые установили - и данный вывод впоследствии был подтвержден внутригосударственными судами - что заявители не имели права на получение статуса беженца, так как не имелось доказательств их преследования на основании их этнического происхождения. Аргументы заявителей в отношении риска жестокого обращения были вовсе не приняты во внимание (см. пункты 21, 28 и 53 выше). Что касается судебных разбирательств по вопросу об экстрадиции, Суд отмечает, что в соответствующих делах заявителей Генеральная прокуратура РФ не оценила предполагаемый риск жестокого обращения в общей сложности (см. пункты 26 и 58). Суды, которые оставили без изменений постановление о выдаче заявителей, в свою очередь, отклонили утверждения заявителей по той причине, что Кыргызстан предоставил дипломатические гарантии отсутствия жестокого обращения (см. пункты 29 и 61 выше). В указанных обстоятельствах Суд не убежден, что вопрос о вероятности жестокого обращения являлся предметом тщательного изучения как в ходе процедуры признания беженцем, так и в ходе процедуры рассмотрения вопроса об экстрадиции (см. дело *Абдулхакова*, упомянутое выше, пункт 148).

95. Остается рассмотреть вопрос о том, насколько дипломатические заверения, представленные Российской Федерации киргизскими властями, снижали опасность, грозившую заявителям в случае выдачи. В соответствии с предоставленными гарантиями, заявители не будут подвергнуты пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию и российским дипломатам будет предоставлена возможность посещения Мамашева в пенитенциарном учреждении (см. пункты 14, 43 и 55 выше).

96. Даже принимая то, что рассматриваемые гарантии не были изложены в общих терминах, Суд отмечает, что Кыргызстан не является Договаривающимся Государством Конвенции, и власти Кыргызстана не продемонстрировали существование эффективной системы судебной защиты от пыток, которая могла бы функционировать в качестве эквивалента системе, требуемой от Договаривающихся Государств. Более того, Суду не было продемонстрировано, что обязательство Кыргызстана по гарантии доступа к Мамашеву российских дипломатов приведет к эффективной защите от запрещенного жестокого обращения на практике, так как не было доказано, что упомянутые дипломаты будут иметь квалификацию, необходимую для эффективного наблюдения за соблюдением киргизскими властями своих обязательств. Также не

было предоставлено гарантии того, что упомянутым дипломатам будет предоставлена возможность разговора с заявителем без свидетелей. Дополнительно, их потенциальное участие не поддерживалось никаким практическим механизмом, определяющим, к примеру, процедуру, в соответствии с которой заявитель мог подавать жалобы дипломатам или с целью их неограниченного доступа в пенитенциарные учреждения (см., *mutatis mutandis*, «Низомхон Джураев против России» (*Nizomkhon Dzhurayev v. Russia*), жалоба № 31890/11, пункты 132-33, 3 октября 2013 г.).

97. Суд напоминает о том, что он несет ответственность, по мнению Властей, за отсутствие доказательств существования механизма мониторинга в Кыргызстане, способного удовлетворить критерий, установленный в деле *Отмана (Абу Kamada)* (упомянуто выше, пункты 203-204) (см. пункт 81 выше). Тем не менее, Суд не может согласиться с Властями в данном отношении, так как он лишь указал временные меры, тем самым препятствуя экстрадициям из России в Кыргызстан во множестве дел, включая две рассматриваемые жалобы. Из этого следует, что Власти могли сослаться на примеры успешного применения механизма мониторинга в делах, в которых экстрадиции в Кыргызстан были успешно осуществлены в отсутствие временных мер.

98. В свете вышесказанного Суд не может принять заявление Властей о том, что гарантий, предоставленных киргизскими властями, было достаточно для исключения риска жестокого обращения с заявителями в запрашивающей стране.

99. Учитывая подтвержденное широкое распространение и повсеместное применение пыток и других видов жестокого обращения правоохранительными органами в южной части Кыргызстана по отношению к представителям узбекского сообщества, к которому принадлежат заявители, безнаказанность сотрудников правоохранительных органов и отсутствие достаточных средств защиты, доступных заявителю в запрашивающей стране, Суд считает обоснованным, что заявитель мог столкнуться с реальным риском обращения, запрещенного статьей 3, в случае возвращения в Кыргызстан.

100. Соответственно, Суд приходит к выводу, что экстрадиция заявителей в Кыргызстан являлась бы нарушением статьи 3 Конвенции.

2. Статья 13 в совокупности со статьей 3:

101. Суд обращает внимание на то, что жалоба по статье 13 в совокупности со статьей 3 Конвенции на то, что власти РФ не оценили должным образом риск того, что заявители могли подвергнуться жестокому обращению в случае выдачи, связана с жалобой,

рассмотренной выше, и, таким образом, она также должна быть объявлена приемлемой.

102. Суд также отмечает, что он уже рассмотрел существо данной жалобы в контексте статьи 3 Конвенции (см. пункт 94 выше). Учитывая выводы в отношении статьи 3 (см. пункт 100 выше), Суд не считает необходимым рассматривать отдельно по существу данную жалобу (см., с дальнейшими ссылками, дело *Махмуджана Эргашева*, упомянутое выше, пункт 79).

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

103. Заявители также жаловались, что рассмотрения жалоб в высших инстанциях в отношении постановления о заключении под стражу от 11 февраля и 13 мая 2013 года (Кадиржанова) и от 1 октября и 4 декабря 2012 года и от 1 февраля 2013 года (Мамашева) под стражу не соответствовали требованию «безотлагательности», предусмотренному пунктом 4 статьи 5 Конвенции. Кадиржанов также утверждал, ссылаясь на то же положение, что он не располагал отдельной процедурой *habeas corpus* для пересмотра его содержания под стражей.

104. Пункт 4 статьи 5 Конвенции гласит следующее:

«4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Доводы сторон

1. *Власти Российской Федерации*

(а) Безотлагательность рассмотрения апелляции

105. В отношении соответствующих жалоб заявителей на предположительно продолжительное рассмотрение их жалоб в отношении постановлений о заключении под стражу Власти указали следующее.

106. Что касается жалобы в отношении постановления о заключении под стражу от 11 февраля 2013 года в отношении Кадиржанова, жалоба была получена 11 февраля 2013 года и затем переведена на киргизский язык. 14 февраля 2013 года адвокату Кадиржанова сообщили по телефону о том, что апелляционное слушание назначено на 20 февраля 2013 г., и он подтвердил свою явку. 15 февраля 2013 года Кадиржанову была направлена копия апелляции, поданной его адвокатом, и ее перевода на киргизский язык. 20 февраля

2013 года апелляционное слушание было перенесено, так как адвокат не явился. 26 февраля 2013 года Орловский областной суд провел слушание в присутствии адвоката, назначенного судом. Таким образом, задержка между решением от 11 февраля 2013 года о продлении срока содержания Кадиржанова под стражей и апелляцией в отношении указанного решения составила пятнадцать дней, что, по мнению Властей, не является чрезмерной задержкой.

107. Что касается жалобы в отношении постановления о заключении под стражу 13 мая 2013 года, она была рассмотрена 24 мая 2013 года, через одиннадцать дней после решения суда первой инстанции. В течение указанного периода был осуществлен перевод жалобы на киргизский язык и новый адвокат, назначенный для Кадиржанова, ходатайствовал о проведении слушания в его отсутствие. В таких обстоятельствах задержка, составляющая одиннадцать дней, соответствовала требованию безотлагательности рассмотрения.

108. Что касается постановлений о заключении под стражу в отношении Мамашева, жалобы в их отношении от 1 октября и 4 декабря 2012 года, поданные 10 октября и 13 декабря 2012 года, соответственно, были рассмотрены 28 января 2013 года. Жалоба в отношении постановления от 1 февраля 2013 года, полученная судом 14 февраля 2013 года, была рассмотрена 14 марта 2013 года. Задержки были обусловлены необходимостью перевода текстов постановлений о заключении под стражу и жалоб на киргизский язык. Власти не ссылались на трудности в осуществлении переводов документов.

109. В итоге, Власти предположили, что жалобы заявителей по данному пункту являлись явно необоснованными по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции.

(b) Доступность процедуры *habeas corpus* в отношении Кадиржанова

110. Власти указали, что автоматический периодический пересмотр был доступен в соответствии со статьями 108 и 109 УПК. Они указали, что с 14 мая 2012 года по 12 мая 2013 года содержание Кадиржанова под стражей пересматривалось и продлевалось в сравнительно непродолжительные интервалы от одного до трех месяцев, что, по их мнению, не являлось чрезмерно продолжительным в контексте экстрадиции.

111. Они также указали, что внутригосударственная правовая система предусматривала заявление ходатайства об освобождении заключенных, ожидающих выдачи, в соответствии со статьями 119 и 120 УПК, но не представили примеров применения данного правового механизма.

112. Власти утверждали, что продление срока содержания под стражей на шесть месяцев 13 мая 2013 года являлось необходимым,

так как процедуры рассмотрения заявлений о предоставлении статуса беженцев еще не были завершены. Заявитель мог быть экстрадирован в течение трех месяцев после указанного решения, в случае отсутствия применения Правила 39.

113. Власти также указали, что в соответствии со статьей 110 УПК прокурор имеет право на любом этапе судебных разбирательств по уголовному делу повторно рассмотреть вопрос о тюремном заключении, либо по запросу заключенного, либо по собственной инициативе, и указали, что данное положение было применено в настоящем деле. Кадиржанов был освобожден из-под стражи на основании решения прокурора от 25 сентября 2013 года по запросу его адвоката от 20 сентября 2013 года. Прокурор принял во внимание указание временных мер в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда.

114. Заявитель мог подать заявление об освобождении в соответствии со статьей 110 УПК немедленно после указания временных мер 2 июля 2013 года. Если бы прокурор оставил без удовлетворения такой запрос, соответствующее решение могло быть обжаловано в суде. Дополнительно, если бы заявитель посчитал, что прокурор был обязан освободить его *proprio motu*, он мог оспорить его бездействие в суде в соответствии со статьей 125 УПК. Наконец, Власти указали, что заявитель мог напрямую обратиться в суд с запросом об освобождении; тем не менее, Власти не указали ссылку на внутреннее законодательство, в соответствии с которым прямое обращение в суд могло быть осуществлено до истечения ранее установленного срока содержания под стражей.

115. В итоге, Власти настаивали на том, что данная жалоба является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции.

2. Заявители

116. Заявители настаивали на том, что задержки рассмотрения заявлений в отношении постановлений о заключении под стражу являлись чрезмерными. Мамашев возразил, что задержки рассмотрения его жалоб имели место полностью по вине властей. Кадиржанов, в свою очередь согласился с тем, что некоторые задержки разбирательств по жалобам в отношении постановлений о заключении под стражу от 11 февраля и 13 мая 2013 года (шесть и три дня, соответственно) имели место по вине его адвоката, тогда как остальные задержки (девять и восемь дней, соответственно) имели место по вине Властей. Оба заявителя настаивали на том, что не было необходимости в переводе жалоб, подаваемых от их лица адвокатами, так как последние действовали в соответствии с указаниями и в интересах заявителей.

117. Кадиржанов дополнительно указал, что интервалы между «автоматическими периодическими пересмотрами» законности его содержания под стражей в ожидании выдачи являлись чрезмерно продолжительными, так как он не мог ходатайствовать перед внутригосударственными судами о повторном рассмотрении вопроса содержания под стражей после указания Судом временных мер, что, по его словам, привело к возникновению нового фактора. Он также не согласился с утверждением Властей о том, что он имел возможность инициировать судебные разбирательства по вопросу об освобождении из-под стражи в соответствии со статьей 110 УПК, так как, по его мнению, такие разбирательства должны быть инициированы государственными органами по собственной инициативе. Он также утверждал, что процедура заявления ходатайства в соответствии со статьями 119 и 120 УПК не может рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты в его случае, так как она применима только к сторонам судебного разбирательства по уголовному делу, возбужденному в России. Более того, любое решение прокурора, принятое на основании указанной процедуры, может быть оспорено в суде только в соответствии со статьей 125 УПК, которая не позволяет суду распоряжаться об освобождении заключенного, даже в случае вывода о незаконности или необоснованности оспариваемого постановления о заключении под стражу (см. «Зохидов против России» (*Zokhidov v. Russia*), жалоба № 67286/10, пункт 188, 5 февраля 2013 г.).

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

118. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Безотлагательность рассмотрения

(i) Общие принципы

119. Суд напоминает, что пункт 4 статьи 5 Конвенции провозглашает право на безотлагательное судебное решение относительно законности содержания под стражей и его прекращения, если оно признано незаконным (см. постановление по делу «Барановский против Польши» (*Baranowski v. Poland*), жалоба

№ 28358/95, пункт 68, ЕСПЧ 2000-III). Пункт 4 статьи 5 не обязывает Договаривающиеся Государства устанавливать второй уровень юрисдикции для рассмотрения вопроса о законности содержания под стражей. Однако, в тех случаях, когда национальное право предусматривает возможность обжалования, орган второй инстанции также должен исполнять требования пункта 4 статьи 5 в том, что касается, например, безотлагательности рассмотрения кассационных жалоб. Соответственно, с целью определения того, было ли соблюдено требование в отношении «безотлагательного» вынесения решения, необходимо осуществить общую оценку, если судебные разбирательства проводились более чем на одном уровне юрисдикции (см. «Мурен против Германии» (*Mooren v. Germany*) [БП], жалоба № 11364/03, пункт 106, 9 июля 2009 г.). В то же время стандарты безотлагательности являются менее строгими, когда речь идет о разбирательстве в апелляционном суде (см. дело «Лебедев против России» (*Lebedev v. Russia*), жалоба № 4493/04, пункт 96, 25 октября 2007 г.).

120. Хотя количество дней, необходимых для осуществления соответствующих процедур, безусловно, важный элемент, сам по себе он не является решающим в вопросе о том, было ли постановление вынесено с требуемой безотлагательностью (см. «Мери против Нидерландов» (*Merie v. the Netherlands*), жалоба № 664/05, 20 сентября 2007 г.). Прежде всего принимаются во внимание усердие, продемонстрированное властями, отсрочка по вине заявителя, и любые другие факторы, вызывающие отсрочки, за которые Власти не несут ответственности (см. «Яблонский против Польши» (*Jablonski v. Poland*), жалоба № 33492/96, пункты 91-94, 21 декабря 2000 г.). Таким образом, вопрос о том, было ли соблюдено право на безотлагательное вынесение решений, должен решаться с учетом обстоятельств каждого конкретного дела (см. дело «Ребок против Словении» (*Rehbock v. Slovenia*), жалоба № 29462/95, пункт 84, ЕСПЧ 2000-XII).

(ii) Жалоба Кадиржанова

121. Суд отмечает, что периоды между постановлениями о заключении под стражу от 11 февраля и 13 мая 2013 года, вынесенных судами первой инстанции, и решениями по следующей инстанции составляли пятнадцать и одиннадцать дней, соответственно (см. пункты 23 и 31 выше). Заявитель подтверждает, что только задержки, составляющие девять и восемь дней из соответствующих периодов, имели место по вине властей (см. пункт 116 выше). Суд считает, что рассматриваемые задержки не являются чрезмерными.

122. В таких обстоятельствах Суд приходит к выводу о том, что в отношении длительности разбирательств по апелляциям Кадиржанова в отношении постановлений о заключении под стражу от 11 февраля

и 13 мая 2013 года не было допущено нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции;

(iii) Жалоба Мамашева

123. Обращаясь к обстоятельствам дела Мамашева, Суд отмечает, что жалоба заявителя в отношении постановления о продлении срока содержания под стражей от 1 октября 2012 года была подана 3 октября 2012 года (см. пункт 52 выше). Тем не менее, слушание по жалобе состоялось через 115 дней после подачи апелляции и через пятьдесят три дня после истечения срока содержания под стражей, указанного в оспариваемом постановлении (см. пункт 56 выше). Жалоба в отношении решения от 4 декабря 2012 года, рассмотренная вместе с жалобой в отношении предыдущего постановления о заключении под стражу, была подана 6 декабря 2012 года (см. пункт 54 выше). Другими словами, Московскому городскому суду понадобилось пятьдесят два дня для принятия решения по данному вопросу. Жалоба в отношении постановления о заключении под стражу от 1 февраля 2013 года была заслушана 14 марта 2013 года, через тридцать дней после того, как она поступила в районный суд (См. пункты 57 и 59 выше).

124. Суд не усмотрел какие-либо признаки того, что задержки рассмотрения жалоб заявителя в отношении постановлений о заключении под стражу, упомянутых выше, имели место по вине заявителя. Власти возразили, что указанные задержки были обусловлены необходимостью организовать перевод апелляций, составленных адвокатом заявителя, на киргизский язык. Тем не менее, Суд намерен согласиться с утверждением заявителя о том, что такие переводы не являлись необходимыми, учитывая, что заявитель доверил своему адвокату представление его интересов в юридических вопросах в российских органах власти (см. пункт 116 выше).

125. Даже если предположить противоположное, несмотря на причину задержек, в соответствии с Конвенцией от Договаривающихся Государств требуется организация своих правовых систем таким образом, чтобы позволить судам соответствовать различным требованиям Конвенции. Судебные органы обязаны решать необходимые административные вопросы для обеспечения безотлагательного решения срочных вопросов, и это особенно необходимо в случаях, когда рассматривается личная свобода лица (см., с дальнейшими ссылками, «С.Т.С. против Нидерландов» (*S.T.S. v. the Netherlands*), жалоба № 277/05, пункт 48, ЕСПЧ 2011).

126. В данных обстоятельствах Суд считает, что период времени, потребовавшийся в настоящем деле Московскому городскому суду для рассмотрения жалоб заявителя в отношении постановлений о заключении под стражу, вынесенных судом первой инстанции, а

именно, 115, пятьдесят два и тридцать дней, соответственно, может быть охарактеризован только как чрезмерный. Это несовместимо с требованием «безотлагательности», определенным в пункте 4 статьи 5 Конвенции (см. «Ефимова против России» (*Yefimova v. Russia*), жалоба № 39786/09, пункт 292, 19 февраля 2013 г.).

127. Дополнительно, чрезмерными являлись не только задержки рассмотрения жалоб заявителя. Как минимум, в одном случае повторные разбирательства были затянуты до такой степени, что срок содержания под стражей, разрешенный оспариваемым постановлением от 1 октября 2012 года, истек задолго до самого слушания (см. пункты 52 и 56 выше). Суд отмечает, что жалоба заявителя была подана в районный суд задолго до истечения разрешенного двухмесячного срока содержания под стражей. Не было указано оснований, отличных от необходимости перевода кассационного определения для заявителя, для объяснения того, почему Московский городской суд обоснованно не мог вынести определение в указанный срок. В отсутствие соответствующих оснований Суд не может не прийти к выводу о том, что отсутствия окончательного определения до того, как срок действия постановления о содержании заявителя под стражей истек, самого по себе было достаточно для лишения жалобы заявителя практической эффективности как меры пресечения или даже компенсационного средства правовой защиты (см., *mutatis mutandis*, дело *C.T.C.*, упомянутое выше, пункт 60).

128. Суд приходит к выводу о том, что в отношении длительности разбирательств по жалобам Мамашева в отношении постановлений о заключении под стражу от 1 октября, 4 декабря 2012 года и 1 февраля 2013 года было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

(b) Предполагаемое отсутствие судебного пересмотра постановления о содержании под стражей

(i) Общие принципы

129. Суд повторяет, что формы судебной проверки, отвечающие требованиям пункта 4 статьи 5, могут различаться в разных странах и будут зависеть от рассматриваемого вида лишения свободы. Не исключено, что соблюдение требований пункта 4 статьи 5 может быть обеспечено посредством системы автоматических периодических судебных проверок по вопросу законности постановления о заключении под стражу (см. постановление Европейского Суда от 12 мая 1992 года по делу «Медьери против Германии» (*Megyeri v. Germany*), пункт 22, Серия А № 237-А). Большие промежутки времени при проведении автоматической периодической проверки могут привести к нарушению требований пункта 4 статьи 5 (см., среди других источников, «Херцегфалви против Австрии» (*Herczegfalvy v.*

Austria), 24 сентября 1992 г., пункт 77, Series A № 244). На основании пункта 4 статьи 5 задержанный имеет право обратиться с ходатайством в компетентный «суд» для «безотлагательного» решения вопроса о том, можно ли считать его лишение свободы «правомерным» в свете новых факторов, возникших уже после принятия первоначального постановления о заключении под стражу (см. упомянутое выше дело *Исмоилова и других*, жалоба № 2947/06, пункт 146, 24 апреля 2008 г.). Требования пункта 4 статьи 5 касательно того, что может считаться "разумным" промежутком в контексте периодической судебной проверки, варьируются в разных странах, в зависимости от рассматриваемого вида лишения свободы (см. изложение прецедентной практики суда в контексте заключения под стражу в целях, определенных подпунктами (a), (c), (e) и (f) пункта 1 статьи 5, вышеупомянутое дело *Абдулхакова*, пункты 212-14).

130. Суд отмечает, что в его задачи не входит пытаться регулировать максимальный период времени между пересмотрами, которые должны автоматически применяться к определенной категории задержанных. Вопрос о том, соответствуют ли промежутки между проверками установленному требованию, должен решаться в контексте обстоятельств конкретного дела (см. дело «Санчес-Райсе против Швейцарии» (*Sanchez-Reisse v. Switzerland*), 21 октября 1986 г., пункт 55, Серия А № 107, и «Олдхэм против Соединенного Королевства» (*Oldham v. the United Kingdom*), жалоба № 36273/97, пункт 31, ЕСПЧ 2000-X). Суд, в частности, должен проверить, не были ли новые относящиеся к делу факторы, которые возникли в промежуток между периодическими пересмотрами, оценены, без «неправомерной» задержки, судом, имеющим право решать вопрос о «правомерности» содержания под стражей в свете вновь появившихся факторов (см. упомянутое выше дело *Абдулхакова*, пункт 215).

(iii) Применение вышеупомянутых принципов к делу Кадиржанова

131. Прежде всего, Суд отмечает, что в контексте пересмотра содержания заявителя под стражей Власти кратко упомянули возможности заявления ходатайств заявителем в соответствии со статьями 119 и 120 УПК; тем не менее, они не представили объяснений в отношении способа, которым такие заявления могли привести к ходатайству об освобождении или периодическому судебному пересмотру в обоснованные сроки законности содержания заявителя под стражей в ожидании выдачи.

132. Дополнительно, Власти предложили, что заявитель мог ходатайствовать перед прокурором о его освобождении в соответствии со статьей 110 УПК немедленно после указания временных мер 2 июля 2013 года (см. пункт 114 выше). В данном отношении Суд указывает, что статья 110 УПК не предусматривает четкого механизма заявления

ходатайства об отмене или изменения меры пресечения в контексте содержания под стражей в ожидании выдачи. Учитывая, что заявитель первоначально был заключен под стражу на основании статьи 61 Минской конвенции (см. пункт 12 выше) и через месяц было вынесено постановление о заключении его под стражу на основании части 2 статьи 466 УПК (см. пункт 15 выше), Суд не убежден в том, что заявление ходатайства в соответствии со статьей 110 УПК могло рассматриваться в качестве способа обращения за помощью в данном деле. Более того, остается неясным, каким способом применение Судом Правила 39 могло привести к «отсутствию необходимости» дальнейшего содержания заявителя под стражей в рамках значения статьи 110 УПК (см. пункт 65 выше) или являться изменением обстоятельств, гарантирующих первоначальное помещение под стражу в соответствии со статьями 97 и 99 УПК (см. пункты 66 и 67 выше), что является предварительным условием изменения меры пресечения в соответствии со статьей 110 УПК. Власти не продемонстрировали установившейся внутригосударственной практики толкования последнего положения. Соответственно, Суд не склонен толковать тот факт, что заявитель не обратился за освобождением немедленно после указания временных мер по отношению к нему.

133. Так как из замечаний Властей не следует, что они сослались на вышеупомянутые возможности как на потенциальные средства исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, Суд считает возможным перейти к рассмотрению сути жалобы заявителя, а именно, предполагаемого отсутствия судебного пересмотра его содержания под стражей после важных изменений в его деле о выдаче.

134. Следует отметить, что в определенном количестве дел против России Суд уже принял тот факт, что разбирательства по вопросу о продлении срока содержания под стражей в ожидании выдачи в суде первой инстанции проходили в форме периодического пересмотра судебного характера (см., к примеру, «Ходжамбердиев против России» (*Khodzhamberdiyev v. Russia*), жалоба № 64809/10, пункты 109-10, 5 июня 2012 г.; «Рустамов против России» (*Rustamov v. Russia*), жалоба № 11209/10, пункт 176, 3 июля 2012 г.; «Ниязов против России» (*Niyazov v. Russia*), жалоба № 27843/11, пункт 153, 16 октября 2012 г.; и «Сыдыковы против России» (*Sidikovy v. Russia*), жалоба № 73455/11, пункты 182-83, 20 июня 2013 г.). Соответственно, Суд считает, что для установления того, имел ли место периодический пересмотр законности содержания заявителя под стражей «в обоснованные сроки», дату вынесения судом первой инстанции постановления о продлении срока содержания под стражей, 13 мая 2013 г. (см. пункт 31 выше), следует рассматривать в качестве даты начала расчета указанного срока.

135. Следовательно, задача Суда состоит в том, чтобы убедиться, что период, составляющий пять месяцев и пятнадцать дней, с 13 мая 2013 года, когда Орловский областной суд в качестве суда первой инстанции вынес постановление о продлении срока содержания заявителя под стражей на шесть месяцев, по 25 сентября 2013 года, когда прокурор вынес постановление об освобождении заявителя (см. пункт 35 выше), представлял собой «обоснованный интервал», соответствующий требованиям пункта 4 статьи 5 Конвенции.

136. В связи с этим Суд отмечает, что в течение рассматриваемого срока содержания заявителя под стражей в деле о выдаче заявителя имели место два важных изменения. Во-первых, 2 июля 2013 года Суд указал временную меру в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда (см. пункт 4 выше). Во-вторых, 4 июля 2013 года постановление о выдаче было оставлено без изменений в последней инстанции и, следовательно, судебные разбирательства по вопросу о выдаче были завершены (см. пункт 33 выше).

137. В связи с тем, что заявитель не мог быть экстрадирован в связи с указанием Суда на временную меру в соответствии со статьей 39 Регламента Суда, любая подготовка принудительной выдачи должна была быть приостановлена на неопределенное время. Суд считает, что указание временной меры и принятие окончательного решения об оставлении без изменений постановления о выдаче представляли собой новые факторы, которые могли повлиять на законность и обоснование продолжения содержания заявителя под стражей. Это было подтверждено заместителем Орловского областного прокурора в его решении от 25 сентября 2013 года об освобождении заявителя по причине указания временных мер в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда (см. пункт 35 выше). Таким образом, заявитель имел право, в соответствии с пунктом 4 статьи 5, на судебное разбирательство для оценки судом новых факторов без необоснованной задержки (см. дело *Абдулхакова*, упомянутое выше, пункт 216). Однако правомерность содержания заявителя под стражей была пересмотрена, а он освобожден только спустя почти три месяца после возникновения таких факторов.

138. С учетом вышеупомянутых замечаний, Суд приходит к выводу о том, что в деле заявителя эффективность системы автоматического периодического судебного пересмотра была подорвана тем фактом, что новые факторы, способные повлиять на законность его содержания под стражей и возникшие в период после последнего рассмотрения судом первой инстанции, не могли быть рассмотрены судом в течение достаточно продолжительного периода времени. Таким образом, Суд заключает, что продолжительность интервала между постановлением о продлении срока содержания под стражей от 13 мая 2013 года и судебными разбирательствами от 25 сентября 2013 года, когда мера

пресечения в отношении заявителя была изменена, являлась необоснованной.

139. Таким образом, в данном отношении имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

(с) Выводы

140. С учетом вышеупомянутых выводов Суд:

(а) заключает, что в отношении длительности разбирательств по жалобам Кадиржанова в отношении постановлений о заключении под стражу от 11 февраля и 13 мая 2013 года не было допущено нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции;

(b) заключает, что в отношении длительности разбирательств по жалобам Мамашева в отношении постановлений о заключении под стражу от 1 октября и 4 декабря 2012 года и 1 февраля 2013 года было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;

(с) заключает, что было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении недоступности судебного пересмотра содержания Кадиржанова под стражей с 13 мая по 25 сентября 2013 года.

IV. ПРАВИЛО 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

141. Суд напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции настоящее постановление вступит в силу, если: (а) стороны заявят, что они не будут просить о передаче дела в Большую Палату; или (б) по истечении трех месяцев с даты вынесения постановления не поступит обращение о передаче дела в Большую Палату; или (в) Коллегия Большой Палаты отклонит обращение о передаче дела согласно статье 43 Конвенции.

142. Суд полагает, что указания, данные Властям Российской Федерации на основании Правила 39 Регламента Суда (см. пункт 4 выше), должны продолжать действовать вплоть до вступления настоящего постановления в силу или до принятия Судом дополнительного решения в связи с ними.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

143. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд приходит к заключению, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне

А. Ущерб

144. Заявители требовали 10 000 евро каждый в качестве компенсации морального вреда.

145. Власти Российской Федерации утверждали, что если Суд установит нарушение Конвенции в делах заявителей, то факт установления нарушений будет являться достаточной справедливой компенсацией.

146. Суд отмечает, что в данном деле пока не произошло какого-либо нарушения статьи 3 Конвенции. Тем не менее, он установил, что решение о выдаче заявителей, в случае его исполнения, приведет к нарушению данного положения. Суд считает, что его вывод относительно нарушения статьи 3 Конвенции сам по себе является достаточной справедливой компенсацией по смыслу статьи 41 Конвенции. Тем не менее, учитывая вышеприведенные выводы о нарушениях пункта 4 статьи 5 Конвенции, Суд, производя оценку на справедливой основе, присуждает 5 000 евро каждому заявителю в качестве компенсации морального вреда, плюс любой налог, который может взиматься с указанных сумм.

В. Издержки и расходы

147. В соответствии с графиками работы адвокатов заявители также потребовали 9 400 евро в качестве возмещения судебных издержек и 658 евро в качестве возмещения почтовых расходов, понесенных в Суде.

148. Власти ссылались на отсутствие доказательств фактической оплаты адвокатского вознаграждения и других расходов. Они также указали, что затребованная сумма судебных издержек являлась чрезмерной.

149. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой он доказал, что такие расходы и издержки действительно имели место, были необходимыми и являлись целесообразными с точки зрения их размера, и относились к частям жалобы, по которым было установлено нарушение. Заявители не представили никаких документов, подтверждающих почтовые расходы. Таким образом, Суд отклоняет иск в этой части.

150. Что касается юридических услуг, принимая во внимание наличие у заявителей соответствующих документов, а также соблюдение указанных выше условий (см. дело «Фадеева против России» (*Fadeyeva v. Russia*), жалоба № 55723/00, пункт 147, ЕСПЧ 2005-IV), Суд считает разумным присудить сумму в 6 100 евро, плюс любой налог, который может взиматься с данной суммы, с выплатой указанной суммы на банковский счет представителей заявителей.

С. Проценты за просроченный платеж

151. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процента.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Решил* объединить данные жалобы в одно производство;
2. *Признал* жалобы приемлемыми;
3. *Постановил*, что выдача заявителей в Кыргызстан привела бы к нарушению статьи 3 Конвенции;
4. *Постановил*, что нет необходимости рассматривать жалобу на предмет нарушения статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 3 Конвенции;
5. *Постановил*, что в отношении длительности разбирательств по жалобам Кадиржанова в отношении постановлений о заключении под стражу от 11 февраля и 13 мая 2013 года не было допущено нарушения пункта 4 статьи 5 Конвенции;
6. *Постановил*, что в отношении длительности разбирательств по жалобам Мамашева в отношении постановлений о заключении под стражу от 1 октября и 4 декабря 2012 года и 1 февраля 2013 года было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции;
7. *Постановил*, что по настоящему делу было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в части недоступности судебного пересмотра содержания Кадиржанова под стражей с 13 мая по 25 сентября 2013 года;

8. *Постановил, что*

(а) что в течение трех месяцев со дня вступления настоящего постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции государство-ответчик обязано выплатить заявителям следующие суммы, подлежащие переводу в российские рубли по курсу на день выплаты:

(i) 5 000 евро (пять тысяч евро) каждому заявителю в качестве компенсации морального вреда, плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма;

(iii) 6 100 евро (шесть тысяч сто евро) совместно заявителям, плюс любой налог, который может быть взыскан с заявителей в качестве оплаты расходов и издержек, должны быть переведены представителям заявителей на их банковский счет;

(б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода выплаты пени плюс три процента;

9. *Отклонил* оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации;

10. *Принял решение* продлить срок действия указания, данного Властям на основании Правила 39 Регламента Суда, о том, что в интересах надлежащего рассмотрения дела желательно не экстрадировать заявителей до вступления настоящего постановления в силу либо до получения дальнейших указаний.

Составлено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 17 июля 2014 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Изабелла Берро-Лефевр
Председатель